

Цикл «Лабиринт Ехо»

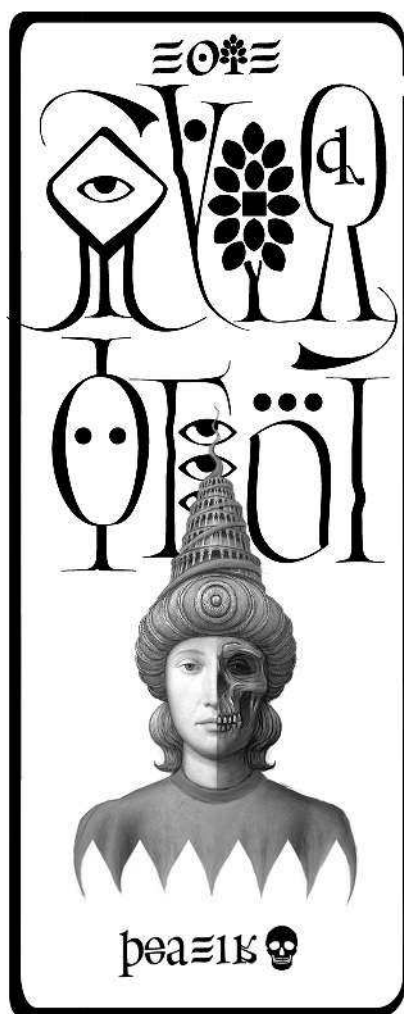
Чужак
Волонтеры Вечности
Простые волшебные вещи
Темная сторона
Наваждения
Власть несбывшегося
Болтливый мертвец
Лабиринт Мёнина

Цикл «Хроники Ехо»

Чуб земли
Властелин Морморы
Неуловимый Хабба Хэн
Ворона на мосту
Горе господина Гро
Обжора-Хохотун
Дар Шаванахолы
Тубурская игра

Цикл «Сновидения Ехо»

Мастер ветров и закатов
Слишком много кошмаров
Вся правда о нас
Я иду искать
Сундук мертвеца
Отдай мое сердце
Мертвый ноль

≡0#≡
Λ0#v/spea
spea≡1K

МУЖС ФРАИ

Сундук мертвеца

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Сундук мертвеца / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Сновидения Ехо).

ISBN 978-5-17-101639-5

В этом сундуке предостаточно мертвецов, но все же их гораздо меньше, чем могло бы быть. Освободившееся место заняли безумные ветры, заморские шаманы, страшные куманские ножи-медорубы и даже математические формулы, не к ночи будь помянуты.

А что вместо бутылки рома у нас там бутылка осского аша — ну так всегда приходится делать поправку на культурный контекст.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-101639-5

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

— Почему ты до сих пор не откусил мне голову? — спросил я.

— Потому что мне за это пока не заплатили, — привычно огрызнулся сэр Джуффин Халли. — Ты мало кому по карману, сэр Макс, смирись.

Но от груды самопишущих табличек он все-таки оторвался. И посмотрел на меня — не то чтобы с интересом, но с тенью надежды на возможность его возникновения.

И то хлеб. Последние несколько дней шеф Тайного Сыска занимался подготовкой каких-то очередных изменений в судебной системе. Понятия не имею, что он при этом чувствовал, но со стороны это выглядело как острый приступ черной меланхолии, отягченный изысканным маниакальным бредом, по большей части, бюрократического характера.

— Но если тебе очень надо, так и быть, — наконец сказал Джуффин. — Давай сюда свою голову, только быстро. Что ты натворил?

— Целую кучу глупостей, — похвастался я.

— Когда успел-то? — изумился шеф. — Полдень только миновал.

— Ну так я не прямо сегодня их натворил. Просто постепенно собралась неплохая коллекция.

Джуффин сразу поскуachel.

— Значит, уже неактуально, — сказал он. — Конец Мира по твоей милости не наступил, вот и ладно. Кусай свою дурацкую голову сам, не отвлекая занятого человека.

Пришлось срочно выкладывать на стол свой последний козырь.

— У меня с собой кувшин отличной камры. Насильственно изъятой из резиденции Ордена Семилистника, при почти драматических обстоятельствах.

И поставил вещественное доказательство своего преступления на стол.

— Вот с этого и надо было начинать, — одобрительно сказал шеф. — У сэра Шурфа отличный повар. Рассказывают, что при Нуфлине бедняге приходилось готовить вовсе без продуктов, наскоро превращая в условно съедобное палую листву и дорожную пыль.

— Дорожную пыль?!

— На самом деле это, конечно, просто гнусные сплетни завистников, — ухмыльнулся Джуффин, наливая камру в свою кружку. — Уверен, что повару не возбранялось использовать для кулинарных целей хорошую жирную садовую землю. Накопал с утра пару ведер, и вперед.

— Ужасы какие ты рассказываешь.

— О скаредности покойного Нуфлина ходили легенды. По большей части, завиральные. Я хочу сказать, они приукрашивали действительность. Бывает, знаешь ли, такая действительность, которую невозможно очернить, как ни старайся. Впрочем, Нуфлина можно понять. Ему

надо было накопить на Харумбу*; старик не был дураком и прекрасно понимал, что за вход с него сдерут по самой высокой ставке — при такой-то репутации. Им же теперь его вечность терпеть... Но кстати, а почему тебе пришлось насильственно изымать камру у сэра Шурфа? Он что, тоже стал жадиной? То есть, звание Великого Магистра Семилистника действительно становится проклятием для всякого, кто займет это место? В жизни не верил в подобные глупости, и на тебе.

— Еще как становится, — подтвердил я. — Страшным проклятием Многоработы. Бедняга с горя сделался суеверен, как лесной колдун и обзавелся модным волшебным талисманом под названием «новый секретарь», но по-моему, стало только хуже: теперь все его свободное время, то есть, все полчаса в сутки уходят на то, чтобы ввести этого дурацкого нового секретаря в курс дела. Как по мне, лучше бы Шурф и правда прос-

* *Харумба* — город мертвых в Уандуке. Был основан несколько тысячелетий назад коренными обитателями этого материка — кейифайями. Сами кейифайи живут так долго, что считаются практически бессмертными, но их потомки от смешанных браков смертны. Именно для них была изначально создана Харумба — город, за стенами которого прошедший через специальные ритуалы мертвец может продолжать вести привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и эмоции похожи на прижизненные. Свободный вход в Харумбу открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы — небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. У остальных людей тоже есть шанс попасть в город мертвых, но он невелик. Два основных условия — личные достоинства и огромные деньги. Высокая плата за вход справедлива: поскольку хранители Харумбы дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им свободу передвижения, они берут на себя обязательства содержать их с максимальным комфортом в течение бесконечно долгого промежутка времени.

то стал жадиной. Это я бы легко пережил. Платил бы ему за встречи почасово, как няньке или домашнему учителю. И всем было бы хорошо. Пришел, отсчитал деньги, сидишь, наслаждаешься беседой. И самое главное, все остальные адепты Семилистника знают: Великий Магистр занят делом, пополняет Орденскую казну. И не врываются в его бедную голову с воплями: «Все пропало!» — или что там они орут с целью не дать начальству спокойно побездельничать в хорошей компании. Сегодня по их милости я так и не узнал, каким образом Умпонская любовная лирика эпохи Равайоров повлияла на возникновение нового метода ведения бухгалтерских книг в странах Сумеречного Союза. Это ранило меня в самое сердце. Пришлось отобрать у Великого Магистра камру — просто чтобы отвлечься от душевных терзаний. Ну и потом, я ее даже попробовать не успел. Врожденное чувство справедливости подсказывает, что так мучить людей нельзя. Особенно если эти люди — я.

— Нельзя, — флегматично подтвердил Джуффин. — Но, откровенно говоря, твой поступок вряд ли приведет к новой гражданской войне. Так что откусывать голову тут при всем желании не за что. Подвел ты меня.

— Ладно, — вздохнул я. — Не хочешь — не откусывай. Поди тебя заставь. Ты — начальство. И, если верить ежегодному летнему опросу читателей «Суеты Ехо», по-прежнему самый опасный человек в Соединенном Королевстве. А я как дурак болтаюсь на двадцать каком-то месте. Позорище. С другой стороны, ничего удивительного: Мантию Смерти я больше не ношу, а без нее я, в лучшем случае, умеренно эксцентричный городской хулиган.

— Ты мне скажи человеческими словами: у тебя действительно что-то стряслось? — устало спросил Джуффин. — Или просто потрепаться больше не с кем? Если второе, учти, об Умпонской любовной лирике я тебе ничего вразумительного не расскажу. Я до сегодняшнего дня вообще не знал, что они там еще и стихи пишут. В утешение могу дать почитать мои поправки к уставу Канцелярии Скорой Расправы. Захватывающее чтение! Их уже восемьдесят семь. И я, считай, только начал.

— Ого! — уважительно присвистнул я.

— Сам знаю, что «ого», — отмахнулся Джуффин. — Давай, выкладывай, что там у тебя, пока я твою камру не допил.

— У меня — я.

— Сочувствую всем сердцем, — серьезно сказал Джуффин. — Это действительно беда. Но до сих пор ты как-то справлялся.

— Вот именно что «как-то», — мрачно согласился я.

— Что ты имеешь в виду?

— Что эту штуку, — для наглядности я стукнул кулаком по груди, — можно использовать гораздо эффективней. А пока ерунда какая-то получается. Недавно двое суток кряду ходил невидимым, как дурак, потому что переборщил с заклинанием... Между прочим, зря смеешься, это оказалось довольно неудобно.

— И что, во всей столице никто не мог этому горю помочь? — ухмыльнулся Джуффин.

— Получается так. Ты был занят, леди Сотофа только смеялась: «Ой, мне бы твое горе!», а сэр Шурф неприкрыто издевался. Дескать, всегда подозревал, что

я его вымышленный друг, а теперь получил бесспорные доказательства. Даже Абилат, которого считают самым отзывчивым знахарем за всю историю Мира, от меня отмахнулся, дескать, не о чем беспокоиться, само пройдет; впрочем, так оно и вышло. Вчера я наконец-то стал видимым и на радостях чуть не спалил свой дом. А всего-то и хотел — элегантно испепелить мусор, как это делают все вокруг, включая дошкольников. Получил костер до неба. Счастье, что дело было на крыше, а то недосчитались бы памятника архитектуры.

Джуффин демонстративно зевнул, давая понять, что масштаб описанных трагедий его совершенно не впечатлил.

— Со всеми поначалу случается. Угуландская Очевидная магия в руках могущественных новичков довольно опасная штука, я тебе это уже несколько тысяч раз говорил. Не рассчитал силы, получай катастрофу на ровном месте. Ты же знаешь, с чего началась карьера нашего сэра Мелифаро в Тайном Сыске?

— Да, — кивнул я. — Он рассказывал. Хотел откупорить бутылку, а вместо этого разнес в клочья трактир*. Родная душа.

— Ты даже не представляешь, сколько вокруг таких «родных душ». Почти все через это прошли, включая бывших Орденских послушников, хотя за ними обычно довольно строго следили. Не то чтобы это помогало: от собственной силы не убережешься. Но ничего. Пара сотен лет регулярной практики, и проблема решается сама собой. Для тех, кто каким-то чудом уцелел.

* Подробности этого дела изложены в повести «Обжора-хотун».

Я бы с удовольствием зарычал, но с Джуффином такая тактика совершенно бесполезна. Его мой гнев даже не насмешит. Поэтому я сказал:

— Ладно, пара сотен лет — ерунда, не о чем говорить, потерплю. И вы все потерпите. Возможно, даже Мир не рухнет, если очень повезет.

— Видишь, получается, даже хорошо, что я не пошел на поводу у твоих капризов и не откусил тебе голову, — заметил Джуффин. — Двести лет без нее прожить вполне можно, но качество жизни, знаешь, немного не то.

— Ну да, жрать нечем будет, — сердито ответил я. — Это моя голова делает мастерски, я бы даже сказал, вдохновенно. И в любой момент готова повторить на бис. А вот соображает она гораздо хуже, чем положено — не только Тайному сыщику, а просто здравомыслящему человеку. Так называемый сновидец, к которому я несколько дней присматривался в полной уверенности, что его пора спасать, в смысле будить — мало ли, что не мерцает, мы все знаем, что бывают исключения — оказался простым куанкурохским путешественником. И вел себя не как лунатик, а как нормальный представитель этой, с позволения сказать, уникальной культуры. Такой уж у них обычай — задумавшись, сквозь стены проходить. А потом, оказавшись в чужом доме, без тени смущения спрашивать, где тут у них выход. Я был совершенно уверен, что наяву люди так себя не ведут. И в «Энциклопедии Мира» сэра Манги о куанкурохцах ничего подобного не написано — это я уже потом, задним числом специально посмотрел.

— Тебя можно понять, — посочувствовал Джуффин. — Куанкурохцы довольно странный народ. И до нас редко добираются. Я сам за всю жизнь был лично

знаком только с одним. И еще нескольких видел издалека.

— Тем не менее, меня это не извиняет. Потому что я мог в первый же день попросить Нумминориха понюхать этого типа. Довольно нелепо сперва выяснить, что сновидения имеют запах, и у нас есть человек, способный его распознать, а потом постоянно забывать применить этот метод на практике. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Экономит время и силы, причем не только мне...

— Да, твое поведение довольно сложно назвать разумным, — кротко согласился шеф. — Но, как я понимаю, все в итоге закончилось хорошо?

— Даже почти без скандала. Но боюсь, только потому, что куанкурохцы считают угуландцев крайне эксцентричными людьми. То есть, если называть вещи своими именами, невменяемыми придурками. И заранее готовы прощать нам любые нелепые выходки. А кто не готов, просто не приезжает в Ехо. Когда немалую часть жизни неизбежно посвящаешь войне с безумными ветрами, бытовые конфликты с чужестранцами вряд ли кажутся таким уж соблазнительным развлечением.

— Это, кстати, объясняет, почему они так редко у нас появляются, — оживился Джуффин. — Даже торговые связи почти не поддерживают, с кем угодно, только не с нами. А я-то все удивлялся, что им тут не так.

— Может, теперь наконец поедут, — предположил я. — Я объяснил этому прекрасному человеку, что самый невменяемый придурок в столице Соединенного Королевства — я сам, а с остальными иметь дело гораздо проще и приятней. Он обрадовался и сказал, что тогда

вполне можно жить. В общем, с ним все более-менее в порядке. А вот ослепительный белый свет...

— Что за ослепительный свет? — нахмурился шеф. — Кто из вас начал светиться, ты или этот приезжий?

— Светиться никто не начал. Это уже совсем другая история. В которой по ряду причин мог разобраться только я, но дырку в небе над задницей, которая заменяет мне голову, не разобрался. Вернее, отчасти разобрался, но слишком поздно.

— Объясни.

— Несколько дней назад в столице объявился сновидец... вернее, человек, которого я принял за сновидца. Успел побуяннить в нескольких трактирах, даже пытался вламываться в частные дома. Причем выбирал помещения, где установили эти новомодные светильники, как их?..

— Звезда Марьеза? — подсказал Джуффин.

— О. Точно. Звезда. Кстати, а что такое «Марьеза»?

— Не «что», а «кто». Магистр Марьез Шудалина, один из друзей и помощников Короля Мёнина. Он эти светильники изобрел. При Мёнине звезды Марьеза вошли в моду, потом, как это обычно бывает, понемногу их нее вышли, при первых Гуригах о них опять вспомнили, но при Гуриге Малыше все дружно помешались на грибах*, и звезды Марьеза окончательно убрали с глаз долой, в самые дальние кладовые. А в Эпоху Ко-

* Имеются в виду светильники, представляющие собой прозрачные сосуды, в которые помещают особенные светящиеся грибы. Эти грибы начинают светиться, когда их что-то раздражает, так что выключатель приводит в движение специальные щеточки, которые осторожно, но назойливо щекочут шляпки грибов. Те немедленно реагируют — светятся.

декса они были не просто непопулярны, а строго запрещены, все-таки тридцать третья ступень Черной магии. Поэтому ты их не застал. На самом деле, я рад, что звезды Марьеза понемногу возвращаются в обиход, белый свет мне, пожалуй, нравится больше, чем голубой от газовых фонарей. Не говоря уже об оранжевом свете грибов. На улице еще вполне ничего смотрится, а в помещении — тихий ужас.

— Да, — вежливо согласился я, втайне всегда симпатизировавший сердитым грибным светильникам. — Так вот, сновидец, о котором я говорю, бросался на звезды Марьеза. Врывался в помещения, где они установлены, расталкивал публику, ломился к светильнику, замирал перед ним и стоял столбом, что с ним ни делай. Рассказывают, бормотал что-то непонятное; подозреваю, молился. А какое-то время спустя разворачивался и уходил. Некоторые свидетели утверждают, что рыдая, другие говорят, он просто был зол. Мне об этом бедняге, к сожалению, далеко не сразу рассказали, потом я долго и довольно бестолково его искал, но если бы я быстро сообразил, что происходит, возможно, смог бы ему помочь...

— Что ты должен был сообразить?

— В том мире, где я, условно говоря, родился и вырос, по крайней мере, до сих пор помню, что это было именно так, есть довольно много разнообразных гипотез посмертного бытия. В некоторых версиях рассказывается об ослепительном белом свете, соединение с которым чрезвычайно желательно для умершего. Потому что этот свет — то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему. В общем, теософ из меня никудышный. Но все-таки информация у меня была. А значит, я мог бы...

— Погоди, — остановил меня Джуффин. — Ты считаешь, что к нам уже не только сновидцы навешиваются, но и покойники? По-моему, это как-то чересчур. Что им тут делать? У нас совершенно точно не загробное царство. Верь мне. Я проверял.

— Серьезно, что ли, проверял? — изумился я.

— Ну а как еще? Когда на нас толпами посыпались сновидцы из разных миров, мне поначалу было не до шуток. Тут поневоле задумаешься, не стоит ли за этим весельем кардинальное изменение свойств материи, а значит и самой природы нашего бытия. Такие вещи о себе лучше знать, даже если они угрожают душевному равновесию. Особенно если угрожают! Собственно, согласно контракту с покойным Королем, который с тех пор никто не переписывал, это обязательная часть моей работы: вносить ясность в подобные вопросы. Поэтому сперва мне пришлось изобрести способы проверки, а потом осуществить ее с привлечением лучших экспертов разных эпох. Некоторые, конечно, подняли меня на смех, но свое дело сделали, спасибо им. Я теперь сплю спокойно. Вот уже больше года, как очень спокойно сплю. Ни хрена наша материя не изменилась. Не в ней дело, просто приоткрылись некоторые границы, которые прежде были закрыты и в большинстве случаев не позволяли постороннему вниманию проникать в нашу реальность. Открытие этих границ, как по мне, только на пользу. Хотя бы потому, что работает в обе стороны.

— Ты хочешь сказать?..

— Именно. Нам, причем не лично нам с тобой, а множеству людей теперь тоже стало гораздо легче путешествовать между мирами в сновидениях. А некото-